

ФЕДОР АБРАМОВ
ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Рассказ
(фрагмент)

...

4

Охотничьи угодья — глухие урочища по суземным речкам, ягодные места вокруг лесных озер и болотин, богатые шишкой ельники — с незапамятных времен закрепились за отдельными семьями. Там, где промышлял отец, промышляет его сын. И упаси бог ступить на чужую тропу! Знахари нашьют нечистую силу — так закружит в лесу, что не выберешься, а то еще хуже — поймают провинившегося, посадят на муравейник.

Последняя война поломала этот неписанный закон. Многие угодья остались без хозяев. А кроме того, в военное лихолетье на Пинеге появились волки — они пришли из тундры вслед за стадами диких оленей.

Матвей Лысцев едва ли не первый из охотников начал петлять по всему району. На триста, на четыреста километров делал заходы. И вся верхняя Пинега знала его, в каждой деревне у него друзья-приятели. К ним-то и маханул Матвей, воспользовавшись подвернувшейся подводой. А что было еще делать? Пропадать — так уж пропадать с треском!

И задымилась хмельным угаром Матвеева жизнь. Сегодня — с одним, завтра — с другим. Охотничьи разговоры, воспоминания — есть чем дышать.

Но вот что скоро стали замечать люди: едва только заявится в деревню Матвей, как вокруг начинает лютовать зверье. Тут зарежет жеребенка, там залезет в овечий хлев, там прикончит собаку... Опять поползли слухи о каком-то трехногом страшилище волке, причем добро бы — звонили бабы: некоторые мужики поддакивали им. А в Заозерье нашлись олухи, которые будто бы даже стреляли в него.

Матвей выходил из себя. Труссы! Сволочи! Распустили кругом волков и выдумывают черт-те что. Ну-ка, кто убил хоть одного серяка за последний год?

Однажды вечером он допоздна засиделся в чайной. Трещала с похмелья голова. В карманах хоть шаром покати — медяк не звякнет. Зотька Постников не приходил.

Заведующая чайной, молоденькая девчонка, ретиво исполняющая свои обязанности, уже раза три дотрагивалась пустой стопкой до графина: пора, мол, и совесть знать. Торговая точка работает по плану. Но Матвей делал вид, что не слышит этих коммерческих призывов, и продолжал сидеть за столом в темном углу.

Вошли два древних старика — Фотей и Мина. Матвей с надеждой посмотрел на них. Может, от них перепадет какая капля? Было время — кто в Заозерье не пил за его счет!

Нет, старые хрычи начали отогреваться чаем.

Слово за слово — и у них разговор про волков.

— Надо быть, к войне, — глубокомысленно прошамкал плешивый Фотей. — Мы с татой покойничком, бывало, месяц на Усть-Юрове живем. И, скажи, маета одна. Ходим, ходим, а нет зверя. А зверь-то это весь к домам выполз. На ерманскую войну...

— Матюги Лысцева не стало — вот что, — возразил Мина.

— Ну, это так, — согласился Фотей. — Был бы Матюшка — он бы, зверь-то, чувствовал...

Так, похоронили, значит. Был Матюга — и нет Матюги. А то, что он тут, в двух шагах от них... это не он. Это так, видимость одна. Ветошка. Черт побери, а что же такое он?

Матвей хмуро посмотрел на свои обрубки. Неужели он, Матвей, — это только руки? Те восемь пальцев, которые отхватили ему в больнице? Да, все остальное — голова, глаза,

сердце — все это чепуха. Так, придача к пальцам... Вот оно как обернулось. Были руки, ноги целы — человек. А теперь каждый сопляк свысока на него смотрит. А женка своя? Черт бы побрал ее со своими жалостями да заботами!

Он с силой стукнул культиями по столу и встал.

Ночь была морозная, месячная. Только что выпавший снег — сразу на четверть — по зимнему заскрипел под сапогом.

Куда идти? К прохвосту Зотьке — дом его тут, рядом? Или к Никону Мерзлому? Никон — мужик непьющий и, хоть сдохни, вина не даст. Но и Зотькину рожу видеть сейчас... Матвей пошел к Никону.

Деревяга месила мягкий снег, вязла, скользила по льду на вземах. Он шел ночной деревней и клял все на свете. Клял подлеца Зотьку, который так бессовестно надул его, клял местные власти, которые ничего лучше не могли придумать, как открыть чайную на краю деревни, и заодно клял Никона — надо же дураку забраться на самое болото!

Наконец он добрался до ручьевины. У Мерзлых еще не спали — в боковой избе мигал огонек.

Спустившись в ручей, Матвей уже начал было сворачивать с большой дороги на тропинку, ведущую к дому Никона, как вдруг ему почудился какой-то шорох сзади. Он оглянулся. Шагах в десяти от него стоял волк, громадный, с поднятой кверху мордой.

Только на секунду, даже меньше, задержался его взгляд на звере, но он сразу узнал его. Тот самый...

Матвей закричал что есть силы, бросился с палкой на волка. Окольцованная деревяга со звоном скользнула по наледи... А когда он поднялся, вокруг было пусто.

Холодный пот прошиб Матвея. Что за чертовщина? Привиделось ему! Неужто хмелевик привязался?

Он прохромывал на дорогу. Следы, волчьи следы. Широкие петли, залитые синевой, резко выделялись на белой, еще не езженной дороге. Они уходили туда, к старой заброшенной конюшне, которая громоздко чернела в полях у леса.

На усадьбе Никона с отчаянным воплем металась собака. Сам хозяин раза два кричал с крыльца: «Эй, кто там? Проходи. Чего торчишь?»

Матвей не двигался. Он стоял, как обугленный пень, на светлой дороге и не сводил суженных глаз с конюшни. Да, бабы не ввали. Волк ходит. Тот самый волк... Но чего он хочет, проклятый? Волчья месть? Но разве мало того, что он сожрал корову, овцу, пса? Хочет с ним самим разделаться? Так какого лешего медлит? Вот он тут, безоружный калека, рядом с ним был...

И вдруг Матвей понял: он или волк. Жить так дальше нельзя.

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Последняя охота : рассказ // Звезда. — 1962. — № 4. — С. 74—85